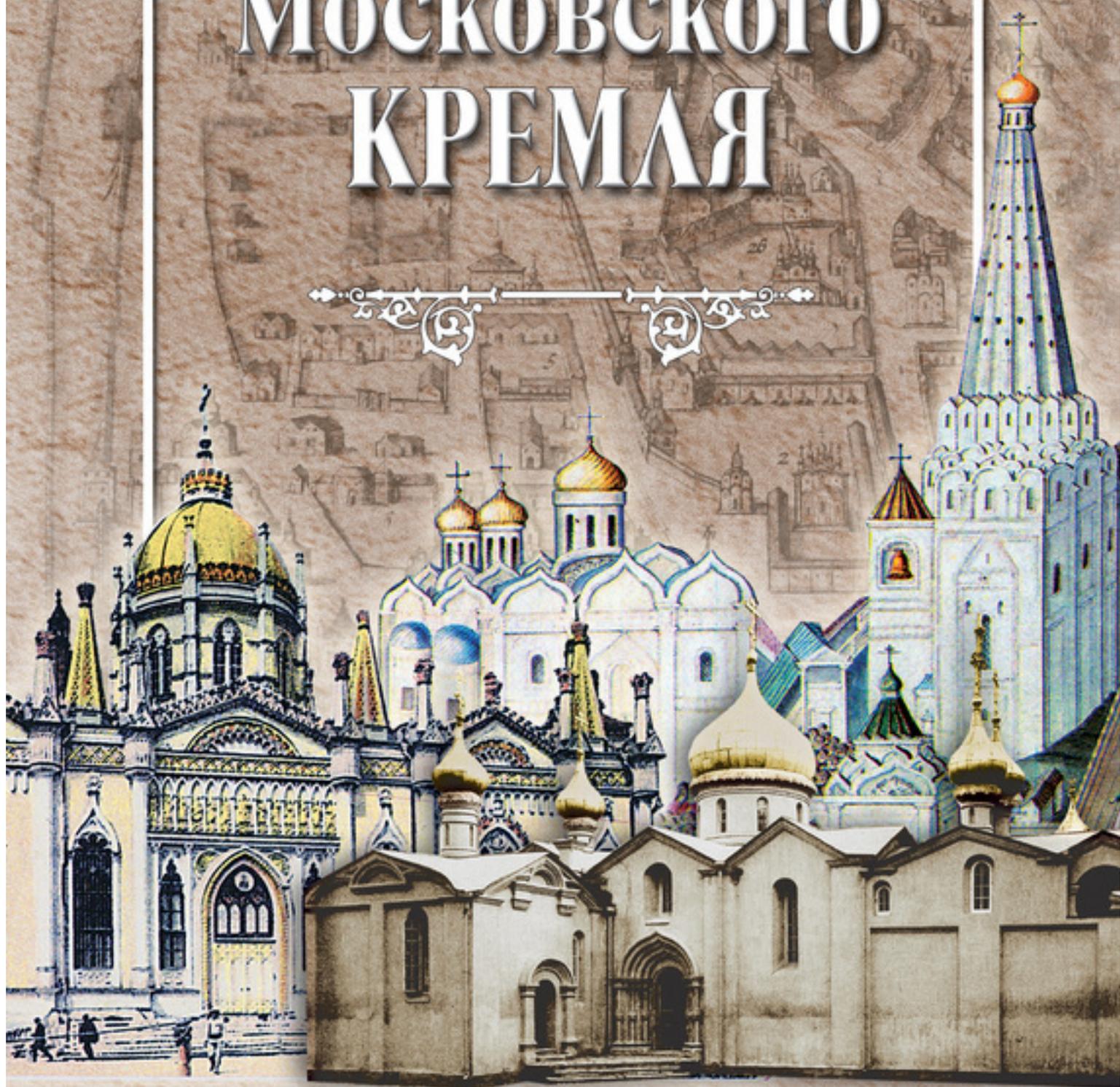

А.А. Воронов

МОНАСТЫРИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Александр Воронов

Монастыри Московского Кремля

«ПСТГУ»

2017

УДК 27-523
ББК 85.113(2)

Воронов А. А.

Монастыри Московского Кремля / А. А. Воронов — «ПСТГУ»,
2017

ISBN 978-5-7429-1056-5

Монография посвящена историко-архитектурному описанию монастырских комплексов Московского Кремля, являющегося результатом многолетних исследований автора. Монастыри в Кремле всегда выполняли множество различных функций – духовных, представительских и других, очень важных для столичного города огромного государства. Кроме того, монастырские комплексы были самостоятельными замкнутыми архитектурно-пространственными объектами и имели специфические особенности художественного взаимодействия с ансамблем Кремля в целом. В книге рассмотрены как хорошо известные монастыри Кремля – Спасский на Бору, Чудов, Вознесенский, так и два малоизвестных – Богоявленский и Афанасьевский.

УДК 27-523
ББК 85.113(2)

ISBN 978-5-7429-1056-5

© Воронов А. А., 2017
© ПСТГУ, 2017

Содержание

Предисловие	6
Спасо-Преображенский монастырь на Бору	8
Чудов монастырь	22
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Воронов

Монастыри Московского Кремля

© Воронов А. А., наследники, 2016

© Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2017

Предисловие

Монография посвящена историко-архитектурному исследованию и описанию монастырских комплексов, находившихся на территории Московского Кремля. Эта книга является результатом многолетних исследований автора.

Среди многочисленных книг и статей об архитектурной истории Московского Кремля еще нет работ, посвященных специально этой теме. Главная трудность состоит в полном отсутствии этих монастырей на поверхности территории Кремля в настоящее время. Некоторые были упразднены постепенно, а другие снесены в первые годы советской власти. Между тем эта тема является весьма актуальной, так как кремлевские монастыри имели важное культурно-историческое значение в истории собственно Кремля, столичного города Москвы и Российского государства в целом.

Монастыри на Руси возникли одновременно с принятием христианства в Киевском государстве в конце X в. и первоначально были ориентированы исключительно на духовные просветительские функции. Их основателями или ктиторами были представители светских и духовных властей – великие и удельные князья, митрополиты и другие высшие церковные иерархи, и строились монастыри в первую очередь в княжеских городах и церковных резиденциях. Одновременно с этим на Руси шел стихийный процесс подвижнического основания монастырей, называвшихся пустынями и скитами, в глухих, уединенных местах.

Монастыри первой группы изначально были элитарными и довольно скоро приобрели новые функции – в первую очередь представительские и просветительские. В тысячелетней исторической ретроспективе развития монастырского строительства в России видно, что эти два направления являются равно необходимыми дополняющими друг друга процессами.

Все пять кремлевских монастырей основаны в пределах XIV в., в эпоху становления Великого княжества Московского, начатую первым московским князем Даниилом Александровичем, сыном прославленного князя Александра Невского в главной крепости его столичного города (илл. 1, *цв. вкладка*).

Четыре из них, Спасо-Преображенский, Вознесенский, Троице-Богоявленский и, по-видимому, Афанасьевский, были основаны великими князьями или их ближайшими родственниками, а один – Чудов Михаило-Архангельский – всероссийским митрополитом святителем Алексием. В связи с этим все они неизбежно, кроме выполнения первоначальной духовной функции в культурном развитии России, решали новые задачи и становились сложными специфическими многофункциональными объектами.

Спасо-Преображенский монастырь всегда был личным великокняжеским. Чудов и Вознесенский монастыри были обителями с представительскими функциями. Вознесенский монастырь служил усыпальницей великих княгинь, цариц, княжон и царевен до перевода столицы в Санкт-Петербург. Троицкий Богоявленский, бывший подворьем Троице-Сергиевой лавры, в то же время использовался для временного пребывания кандидатов на митрополичий и патриарший престолы и даже для приема депутатий москвичей и других россиян при избрании на царство Михаила Романова. Афанасьевский монастырь, ставший подворьем Кирилло-Белозерского монастыря, в частности, служил для пребывания иностранных церковных иерархов в ранге патриархов во время их приезда в Москву.

Абсолютно индивидуальными были объемно-пространственные решения кремлевских монастырей. В трех из них, Спасском, Чудовом и Вознесенском, соборный храм располагался традиционно – в центре монастырского двора. Но монашеские кельи Спасского монастыря занимали частично первый этаж великокняжеского дворца, а формы планов дворов и окружающих келейных и хозяйственных корпусов подчинялись исторически сложившейся застройке соседних территорий. В монастырях Богоявленском и Афанасьевском, ставших подворьями,

центральные площади были свободны от застройки, а храмы вынесены на уровень их оград или даже за них.

Наиболее сложно оценивать художественные достоинства монастырских комплексов и составлявших их храмов и других сооружений по далеким от полноты чертежам, рисункам и гравюрам современников. Тем не менее можно утверждать, что здания монастырей Московского Кремля были построены на высоком профессиональном уровне, украшены высокохудожественными росписями, иконостасами и иконами, частично сохранившимися в музеях Москвы. Они являлись еще и выдающимися памятниками истории и культуры, исследование которых значительно расширяет и уточняет наши знания о далеких эпохах жизни Московского Кремля, Москвы, России, их правителях и простых людях. Как показывает опыт, эти исследования никогда не будут полностью завершенными, а знания – исчерпывающими.

Афанасьевский и Богоявленский монастыри на протяжении своей истории претерпевали различные изменения: сначала они стали подворьями других монастырей (Афанасьевский – подворьем Кирилло-Белозерского монастыря, Богоявленский – Троице-Сергиевого), затем постепенно вытеснялись кремлевским строительством и окончательно были упразднены к XVIII в. Чудов и Вознесенский монастыри вместе с примыкавшим к ним Малым Николаевским дворцом были уничтожены в 1928 г., а Спасо-Преображенский собор монастыря Спаса на Бору – 1 мая 1933 г.

Спасо-Преображенский монастырь на Бору

Спасо-Преображенский монастырь был первым монастырем в Московском Кремле. Точных сведений о его основании и первоначальной истории не сохранилось. Тем не менее многолетние исследования историками Москвы различных косвенных свидетельств и исторических преданий позволяют говорить о некоторой общей исторической канве событий, которая не вызывает принципиальных возражений. Однако кажется правильным сказать несколько слов о начале Москвы, которое непосредственно связано с темой Спасского монастыря в Кремле.

Как известно, город Москва впервые упомянут в летописях под 1147 г., когда сын Великого князя Киевского Владимира Мономаха – Юрий-Георгий Долгорукий, будучи удельным князем Ростовским и Суздальским, в которое входили в том числе и земли по реке Москве, пригласил к себе в гости своего брата, Смоленского князя Святослава: «В лето 6655 (1147 г.) ... посла к нему (Святославу) Юрьи, река: “буди, брате, ко мне на Московь”» (49, т. VI, VIII¹). Историки обратили внимание на то, что в этом приглашении нет определения местности «Московь», и поэтому остается неясным, что оно обозначает – какой-то населенный пункт или просто место на реке Москве. Из этого летописного текста непонятно, где этот пункт располагался – на Боровицком ли холме, на соседней «Швивой горке», за Яузой, в Котельниках, где археологами обнаружены не менее древние предметы, чем на Боровицком холме, или еще где-либо на берегу реки Москвы.

В Тверской летописи, в которой повторено и предыдущее свидетельство, под 1156 г. сообщается: «Того же лета (6664) князь великий Юрий Володимерич заложи град Москову на устни-же Неглинны, выше реки Аузы» (49, т. VI, с. 294). Здесь уже однозначно говорится об официальном основании города Москвы ставшим к тому времени Великим князем Киевским и всея Руси Юрием Долгоруким, причем именно между устьями рек Неглинной и Яузы, то есть на Боровицком холме. Такое сообщение обычно означало закладку поселения, огражденного защитными оборонительными стенами – града. Кстати, по этой же причине Великий князь Киевский Юрий Долгорукий считается и первым Московским удельным князем, хотя Москва тогда еще вовсе не была столицей какого-либо удельного княжества. Некоторые несоответствия этого летописного текста со сведениями других источников, связанные с тем, что Юрий Долгорукий в это время был занят на юге, разрешает академик М. Н. Тихомиров в труде «Древняя Москва XII–XV вв.» (70, с. 14).

¹ Здесь и далее ссылка на библиографию в конце книги.

Эти два древних свидетельства важны здесь потому, что они объясняют следующий знаковый эпизод в истории Спасо-Преображенского монастыря в Московском Кремле.

Основатель Московского самостоятельного княжества, князь св. Даниил Александрович (на княжении 1272–1303 гг.), младший сын св. князя Александра Невского, получил в удел по наследству Переяславль-Залесский и земли боярина Кучки по Москве-реке. Вскоре после вступления на княжеский престол он обосновался в Москве и на южной окраине кремлевского Боровицкого холма, в густом бору, где, по преданию, стояла хижина пустынника Вукола или Букала, поставил деревянную церковь Спаса Преображения, получившую название «церковь Спаса на Бору». По преданию, это событие произошло в 1272 г.

В 1282 г., в Замоскворечье, на правом берегу реки Москвы, на южной Серпуховской дороге князь Даниил устроил монастырь, получивший его имя – Даниловский, официально называвшийся позднее Свято-Данилов Спасский.

В 1293 г. монастырь был razорен татарским царевичем Дюденей, братом хана Тохты, напавшим на Русь по просьбе князя Андрея Городецкого, боровшегося со своими родственниками за Владимирский престол.

В 1330 г. сын Даниила, князь Иван I Данилович Калита при св. митрополите Киевском и всея Руси Феогносте (1328–1353), перевел часть иноков этого монастыря вместе с архимандритом в Кремль на свой княжеский двор, к перестроенной в камне церкви Спаса Преображения, где и образовался первый в Кремле великокняжеский монастырь, получивший при поддержке митрополита Феогноста архимандрию. Старый Даниловский монастырь, его погост и принадлежавшие ему села были поручены управлению архимандрита кремлевского монастыря, который, будучи занят обустройством нового монастыря, не мог уделять старому достаточного внимания. Поэтому он постепенно оскудел и был возрожден только при Иване Грозном.

Точные причины фактического перевода монастыря в Кремль неизвестны. Одной из них могло быть желание князя иметь поблизости от своего дворца собственный духовный центр и место упокоения членов княжеской династии. Это говорило о серьезности стремлений Ивана Калиты (на княжении – 1328–1340 гг.), второго князя, носившего титул великого князя московского и фактически перенесшего столицу из Владимира в Москву.

Монастырь Спаса на Бору был киновией по греческому образцу с общим пребыванием иноков и инокинь, а также приютом для убогих и нищих, уход за которыми входил в княжеское послушание. Архимандриты этой обители были всегда духовниками великих князей. Здесь постригали в монашество перед кончиной первых московских князей и княгинь. Иногда в монастыре хоронили и членов княжеской семьи. В монастыре приняли пострижение и схиму сам Иван Калита и его сын Симеон Гордый, принявший в схиме имя Созонта. Их останки впоследствии были перенесены в великокняжеские усыпальницы Архангельского и Вознесенского соборов. В самом монастыре первой была похоронена в 1332 г. княгиня Елена – супруга Ивана Калиты. Здесь были похоронены жена Ивана II Ивановича Красного – Александра (сконч. в 1364 г.), в инокинях Мария (мать Дмитрия Донского), жены Симеона Гордого – Анастасия Литовская (сконч. в 1345 г.) и Мария (сконч. в 1399 г.), в схиме Фотиния, останки которой 74 года спустя, в 1478 г., были обретыены нетленными и по приказу Ивана III облачены в новые ризы. Здесь в 1452 г. совершилось таинство бракосочетания 12-летнего княжича Ивана Васильевича и Тверской княжны Марии Борисовны, его первой жены, внука которых, Дмитрия Ивановича, в 1498 г. венчали великим князем, а четыре года спустя заточили до конца жизни в тюрьму.

Трагическое событие, связанное с междоусобной княжеской борьбой и косвенно касающееся истории Спасо-Преображенского монастыря, произошло в правление на Москве старшего брата Ивана Калиты, князя Юрия III Даниловича. Претендуя на великокняжеский престол, полагавшийся по старшинству его дяде, Тверскому князю Михаилу II Ярославичу, получившему на великое княжение ханский ярлык, князь Юрий Данилович обвинил Михаила

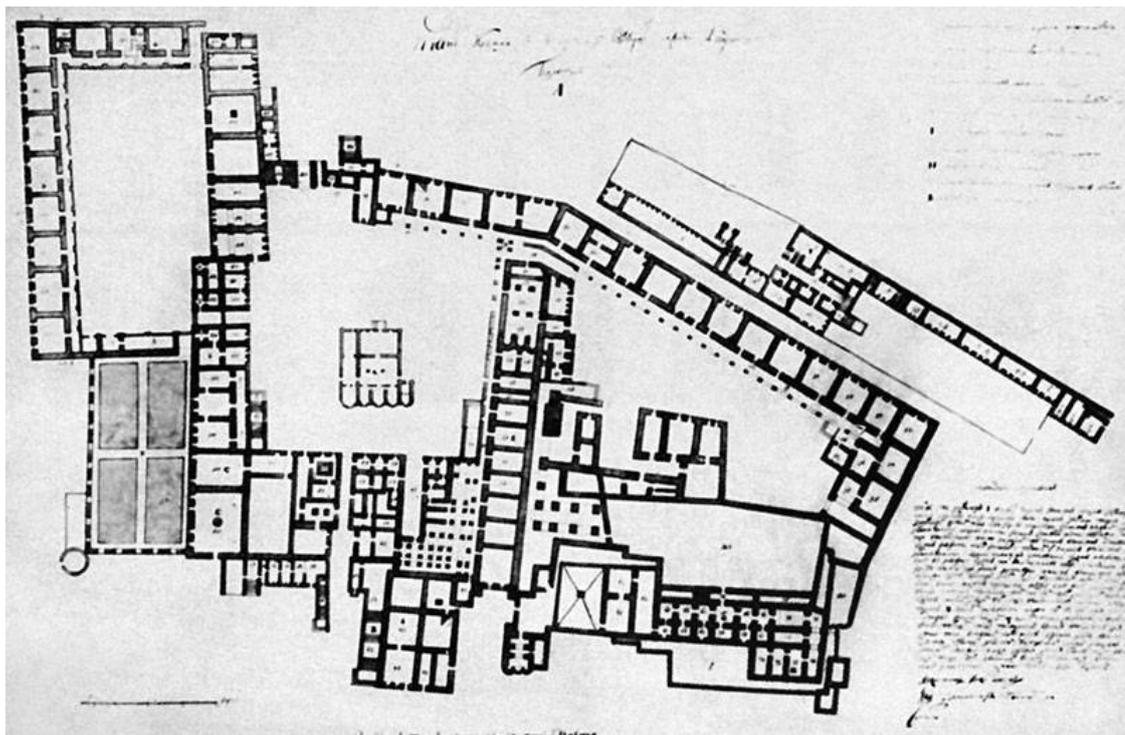
Тверского в гибели своей жены Кончаки, в крещении Агафьи, сестры хана Узбека. Вызванный в Орду Михаил Тверской был зверски замучен в 1319 г. в присутствии князя Юрия. Михаилу предлагали бежать, но он отказался, не желая ханской мести своим соплеменникам. Поступок Юрия вызвал неодобрение даже его ордынских друзей, а его бояре отвезли тело Михаила Тверского в Москву, не разрешив по дороге даже отпеть его в церкви. В Москве же тело бывшего врага с исполнением поминальных обрядов было положено в великокняжеском Спасском монастыре, в знак единения русских в борьбе с Ордой. По просьбе вдовы Михаила через год его останки были «отпущены» в Тверь. Юрий Данилович получил ханский ярлык на великое княжение, добился присоединения к Москве Коломны и Можайска, но в 1326 г. был убит в Орде сыном Михаила Тверского, князем Димитрием по прозвищу Грозные Очи, в свою очередь казненным ханом за самоуправство.

Эти легенды косвенно подтвердились во время ремонта притвора храма в 1836 г., когда были обнаружены два захоронения в каменных гробах характерной для XIV в. формы – широких в головной части и сужающихся к ногам. В одном из них было хорошо сохранившееся погребение женщины в шелковом платье, а в другом – мужчины в иноческом одеянии. Погребения были идентифицированы как принадлежавшие матери Дмитрия Донского, великой княгине Александре, и ее внуку, Ивану Дмитриевичу (в схиме Иоасафу), скончавшемуся в монашестве в 1393 г.

Незадолго до смерти митрополита Алексия (сконч. 12 февраля 1378 г.) великий князь, желая иметь митрополитом небезызвестного Михаила-Митяя, принудил его постричься в монашество и занять архимандрию в придворном Спасском монастыре.

В Спасском монастыре был похоронен святитель Стефан Пермский, уроженец Великого Устюга, выходец из Ростовского Григориево-Богословского монастыря, посвятивший свою жизнь просвещению зырянских народов великой Перми (современной Республике Коми). Он отправился в Пермь, где создал для зырян азбуку, перевел на зырянский язык церковные книги и 13 лет служил Великопермским епископом. В 1396 г. по делам своей епархии свт. Стефан приехал в Москву к митрополиту Киприану, где занемог и в том же году скончался. Он был похоронен в самом соборе, у северной стены, в углу храма (56, с. 19). Мощи его были положены под спудом и не были «отпущены» в Пермь, несмотря на неоднократные просьбы жителей Перми.

Собор, построенный Иваном Калитой, был полностью благоустроен, богато украшен иконами, оснащен церковной утварью, хотя вряд ли был расписан (илл. 1). Князь любил в нем уединяться для молитвы, но храм был очень небольшим, вероятно, трехапсидным, четырехстолпным, однокупольным и вряд ли мог вместить даже немногочисленную братию для общей молитвы, которая в обычное время размещалась в каких-то помещениях дворца, здания которого на некотором расстоянии окружали храм, создавая таким образом традиционный монастырский двор.

Илл. 1. План дворцового комплекса Кремля. В центре двора план Спасского собора. Обмерные чертежи команды Д. В. Ухтомского (копия середины XVIII в.)

Облик храма Ивана Калиты неизвестен, но при разборке в 1932 г. уже второго собора, построенного на его месте, были найдены несколько фрагментов блоков с белокаменным резным орнаментом, относящихся к XIV в. (45, с. 28, рис. 4б; с. 264, рис. 3б, 3в) (илл. 2, 3, 4).

Уже при Симеоне Гордом производится расширение и дальнейшее украшение храма. В 1345 г. иждивением первой его супруги Анастасии мастером Гайтаном, с греческими и русскими учениками, из которых известны Семен и Иван, производится роспись собора. В 1350 г. с западной стороны собора пристраивается каменный притвор или трапеза, по площади равная храму без алтарной части, в котором совершались княжеские захоронения (64, с. 7).

Монастырь был великокняжеским, и собор стоял посреди обширного двора, обстроенного по периметру зданиями княжеских покоев и служебных помещений, часть которых была отведена под монашеские кельи и игуменские покои. Таким образом, планировочная структура монастыря являла собой тип монастыря с центральным размещением собора – один из ведущих планировочных типов в русском монастырском строительстве, несмотря на уникальное функциональное сочетание дворца правителя и монашеской обители. Эта структура сохранилась и в дальнейшем – и когда собственно монастырь был переведен в другое место, и когда перестраивался дворец, занимая все большую площадь. Уменьшалась лишь площадь двора, в центре которого по-прежнему стоял собор.

Илл. 2, 3, 4. Фрагменты белокаменных деталей фриза собора Спаса на Бору в Кремле. 1330 г. Археологические находки 1930-х гг.

В 1382 г., во время нашествия на Москву Тохтамыша, обитель была разграблена, ее архимандрит Симеон убит, но вскоре усилиями великого князя Дмитрия Донского (1363–1389) и его сына, великого князя Василия I Дмитриевича (1389–1425), монастырь был восстановлен.

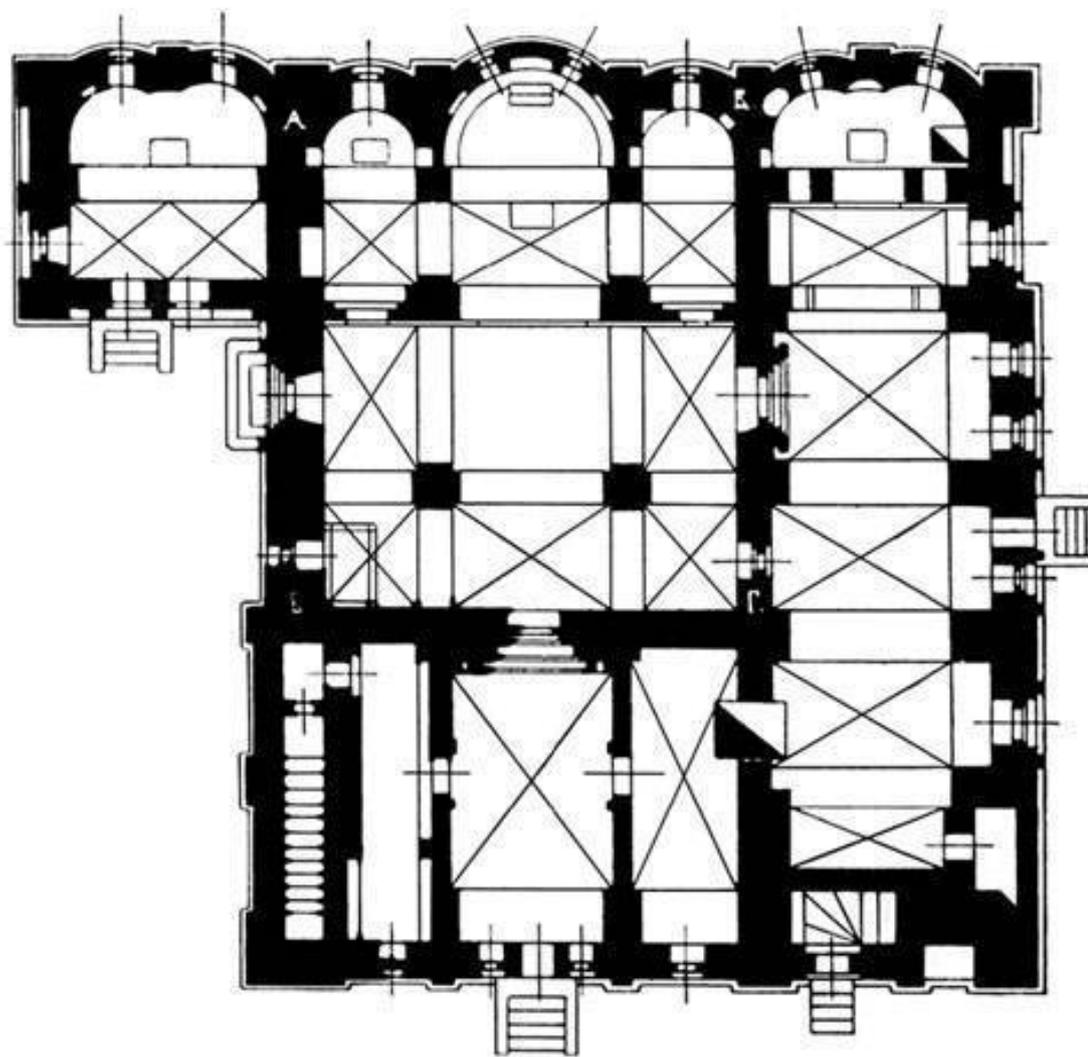
В 1488 г. здания монастыря сильно пострадали от пожара, и великий князь Иван III, желая расширить дворцовые помещения, решил перевести его из Кремля на новое место за Язу, на Васильевский стан, где он стал называться «Спас Новый» или Новоспасский. Кремлевский дворцовый монастырь был обращен в собор и назывался Верховою или Спасскою церковью на Царском Дворе; иногда назывался «Спасскою церковью за Двором Великого Князя» или «Придворным собором». По поводу конкретной даты перевода монастыря существуют разные мнения. В Синодальном справочнике указывается, что это произошло около 1466 г. Такой же даты придерживается М. И. Александровский (1, № 65), Машков (50, с. 162–164), а также М. Ильин и Т. Моисеева (27, с. 469–470), которые называют еще более раннюю дату – 1462 г. Однако Л. И. Денисов (17, № 450), И. К. Кондратьев (32, с. 64) и ряд других авторов считают, что это произошло в 1490 г., основываясь на сведениях И. Снегирева, который еще в 1853 г., обращаясь к оппонентам своего времени, приводил следующие аргументы в пользу датировки 1490 г.: «Хотя перемещение Спасопреображенского монастыря без оснований полагают в 1462 г., когда Иоанн III только вступил на престол; но свидетельством же тому, что еще в 1482 и в 1488 годах эта обитель пребывала на прежнем месте, служит: “данная Архимандриту Елисею в дом Всемиловитого Спаса, что на Москве в городе, за двором Великого Князя” (Грамота на тряпичн. бумаге, схороненная в Моск. Государ. Архиве старых дел, № 238) и жалованная Великокняжеская грамота 1488 года (там же, по указанию Г. Строева)» (64, с. 11).

В 1490-х гг. архиепископ Новгородский Геннадий, бывший Чудовский архимандрит, писал по поводу переноса церквей от пожаров митрополиту Зосиме, что церкви из города, то есть из Кремля, были вынесены. Что касается переставления извечных монастырей, то это указание должно относиться к монастырю Спаса на Бору, который был переведен на новое место

«вниз по Москве-реке на горы возле Крутиц, отчего и стал прозываться Новоспаским» (23, с. 142).

Собственно история первого кремлевского монастыря как самостоятельного церковного института на этом заканчивается, но история первого московского собора продолжалась еще достаточно долго и представляет несомненный интерес прежде всего в историко-архитектурном отношении.

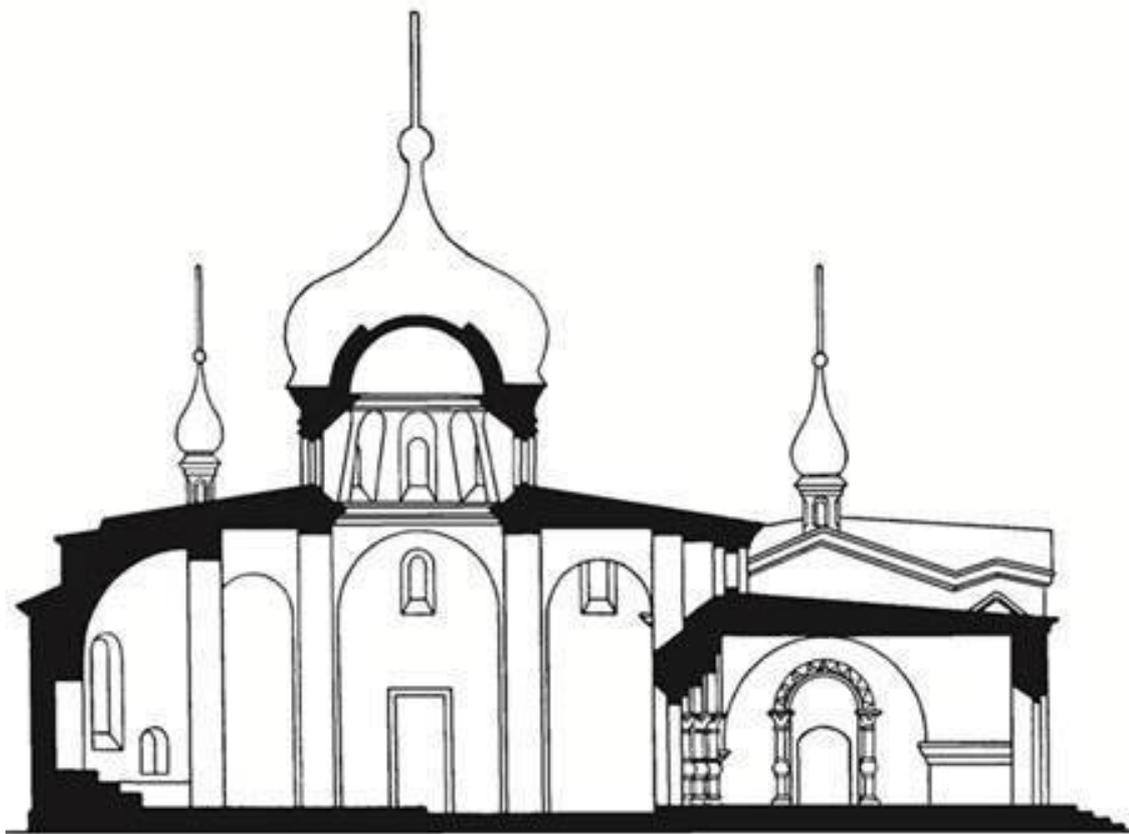
В 1527 г. собор Ивана Калиты был полностью перестроен. Размеры собора по внешнему обмеру составляли примерно 15 м в длину вместе с алтарной частью и 13 м в ширину (все размеры приблизительные, так как взяты по масштабу с чертежей середины XIX в. архитектора А. А. Мартынова). Четыре квадратных в плане каменных столба со стороной немногим более метра разделяли внутреннее пространство собора на три нефа: центральный пролетом 3,6 м и два боковых шириной по 2 м. Столбы образовывали подкупольный квадрат размером 3,6 × 3,6 м с расстоянием в осях столбов примерно 4,7 м в обоих направлениях. На плане XIX в. (илл. 5) столбы показаны крестчатыми, но что они были такими изначально, можно только предполагать. Нефы на востоке заканчивались тремя алтарными апсидами полуциркульной формы с двумя узкими окнами в центральной апсиде и с одним окном в боковых.

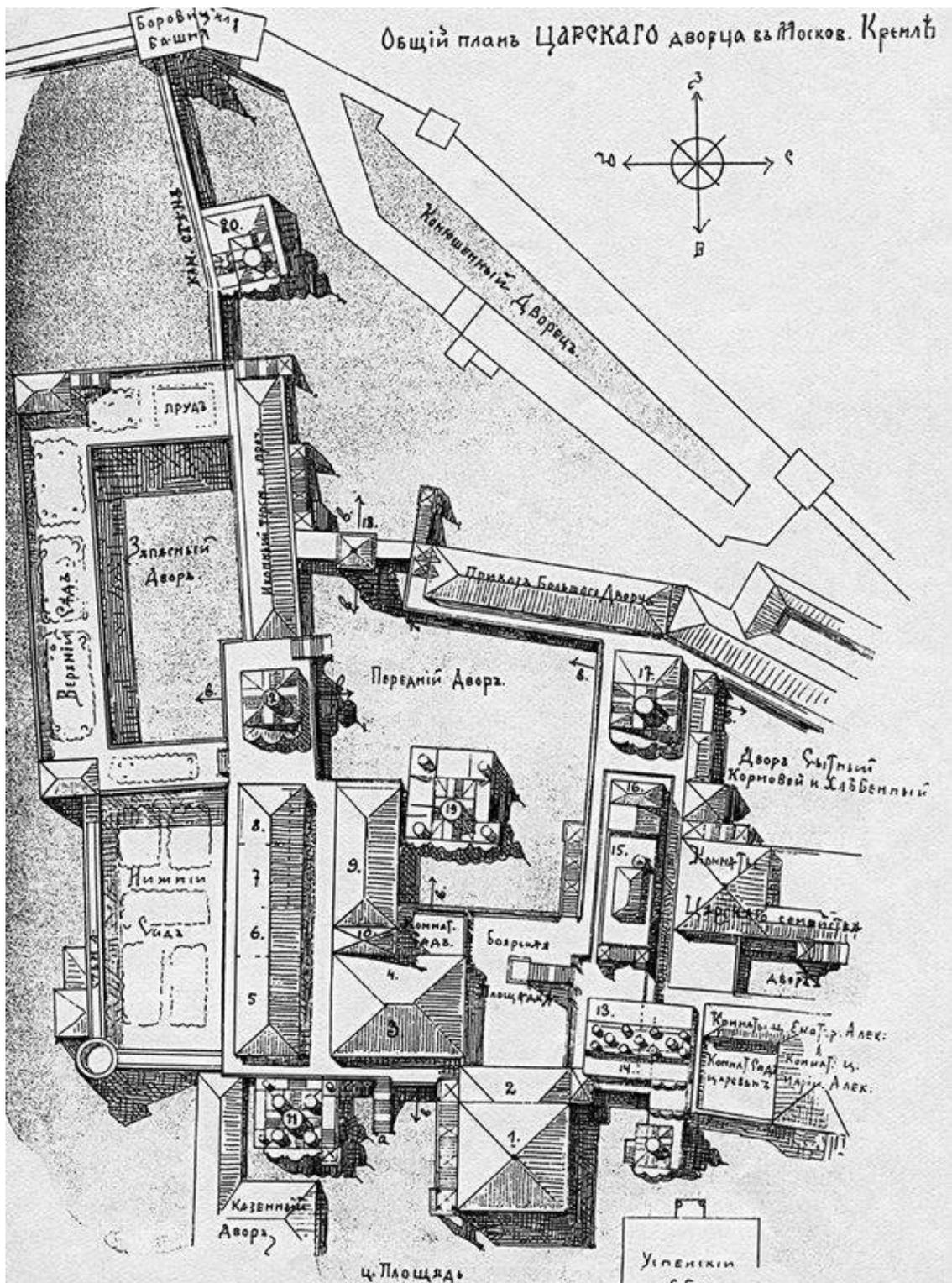
Илл. 5. Собор Спаса Преображения на Бору. План. По чертежу А. А. Мартынова. Середина XIX в.

Стены, разделяющие апсиды, заканчивались столбами толщиной 0,8 м, отстоявшими на 1,7 м от восточной пары центральных столбов. Главный западный и боковые северный и южный входы с перспективными порталами располагались по центрам соответствующих нефов. В западном притворе были два небольших окошка с северной и южной сторон. Судить о первоначальной толщине наружных стен, вероятно усиленных лопатками, сложно – возможно, они, как и столбы, были толщиной немногим более метра. Иконостас располагался по западной грани восточной пары центральных столбов, занимая всю ширину церкви. Барабан купола стоял, возможно, на приподнятых подпружных арках (илл. 6), известных в произведениях московской архитектуры второй половины XIV в., если только они не появились при позднейших перестройках. Если авторы перестроек и реконструкций точно воспроизводили оригинал, как утверждают источники, то высота собора внутри, от пола до шельги сводов составляла 6,3 м, высота барабана – 2,8 м, а его диаметр по наружному обмеру – 5,6 м.

После Большого Кремлевского пожара 1554 г. и вскоре после присоединения Новгорода к Москве в 1570 г. при Иване Грозном, вероятно, произошло окончательное формирование плана собора. В его восточной части в одну линию с алтарем собора, видимо, были пристроены симметрично две придельные церкви: с северной стороны – во имя Трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, а с южной – во имя Трех Исповедников: Гурия, Самона и Авива, так как такой придел имелся в Софийском соборе покоренного Новгорода. Приделы были небольшими: 6,5 м в длину и около 6 м в ширину, каждый с двойной апсидой, с окнами в них, самостоятельными порталными входами, смещенными от центральных осей и узкими окнами в боковых стенах и рядом со входом для освещения церквей.

Илл. 6. Собор Спаса Преображения на Бору. Продольный разрез. По чертежу А. А. Мартынова. Середина XIX в.

Илл. 7. Общий план Царского дворца в Московском Кремле. Начало XX в.

Возможно, тогда же была пристроена крытая галерея или притвор вдоль всего южного фасада как продолжение юго-восточного придела и одной с ним ширины. А. Л. Баталов допускает наличие этих пристроек уже у храма 1526/27 г. (6, с. 144). На всех планах Кремля, появившихся к концу XVI в., собор показан в его позднейших очертаниях: почти квадратным в плане, размерами 23 × 19 м в плане (без северного придела), с пристройками и с характерным выступом в северо-восточном углу на месте придела Трех Святителей. План собора в этом виде довольно подробно показан на обмерных чертежах середины XVIII в., включенных

в план дворцового комплекса, выполненный архитекторами А. П. Евлашовым, К. И. Бланком, Д. В. Ухтомским и др. (45, с. 281, рис. 25, 26), и на «Общем плане царского дворца в Кремле в XVII в.» на чертеже А. Потапова (илл. 7) и серии его чертежей Кремля конца XIX – начала XX в., составленных «по старым планам и книгам с натуры» (47, таб. XIV–I, рис. 35).

После перевода монастыря на новое место и завершения строительства парадных кремлевских соборов – Успенского, Архангельского, Благовещенского – и возникновения малых «верховых» церквей в царском дворце, собор Спаса на Бору, заключенный внутри дворцовых стен, фактически превратился в XVII в. в приходскую церковь для духовных нужд дворцовых служащих – многочисленной группы служилых и рабочих людей: поваров, истопников, стряпчих, портных и т. п. со специфическим режимом работы, для которых специально служили особо раннюю службу. Тогда же окружавший собор двор получил название Сытного двора, так как находился вблизи Сытного дворца, располагавшегося под Теремами и Набережными и Приемными палатами древней княжеской резиденции (44, т. 1, с. 85). Собор был сильно обстроен малыми церквями: в 1635 г. в нем насчитывалось 11 приделов.

После перенесения столицы в Петербург эта функция в значительной степени утратилась, храм постепенно захирел, стал разрушаться, вокруг него вырос значительный культурный слой, и он оказался в ложбине. Но собор оставался в памяти людей святым местом, в какой-то мере началом Москвы, и его иногда поновляли и ремонтировали. При императрице Анне Иоанновне была восстановлена в 1737 г. сгоревшая крыша. Во всех вариантах проекта Большого Кремлевского дворца, разрабатывавшихся с 1767 г. В. И. Баженовым по заказу Екатерины II, Спасский собор сохраняется и органически вписывается в структуру юго-западного двора в качестве внутреннего композиционного центра, весьма близкого к геометрическому центру и расположенному на одной с ним широтной оси.

Илл. 8. Церковь Спаса на Бору в Московском Кремле. Гравюра М. Казакова, XVIII в. Вид с юго-запада

«К концу XVIII века храм обветшал, был разобран и вновь сложен из кирпича под наблюдением М. Ф. Казакова в формах XVI века и с учетом изменений, внесенных в него в течение XVII столетия. Документы, графически фиксирующие эту работу, не найдены» (45, с. 263, подпись под рис. 2). К сожалению, отсутствие графических документов работы команды М. Ф. Казакова не дает возможности установить, каким же был внешний вид собора до

этой перестройки (илл. 8). Можно только отметить большие отличия в стилистическом и объемно-пространственном решении между изображением на достаточно условном рисунке фасада храма на плане «Кремленаград» 1600 г. (45, с. 270–271, рис. 10 и цветная обложка) и его последними фотографиями, например из известного альбома Н. А. Найденова «Москва. Соборы. Монастыри. Церкви» (М., 1881–1888). (56, с. 18) (илл. 9). Перед нами явная стилизация, особенно ярко выраженная в треугольных фронтонах над закомарами. Правда, все известные фотографии собора сделаны практически с одной точки, из северо-восточного угла двора Большого Кремлевского дворца, где расстояние до собора было наибольшим и допускало съемку с малым углом разрешения. С этой точки прекрасно виден северный фасад собора и в сильном сокращении западный, остальные не видны. Но имеется гравюра неизвестного автора, датируемая XIX в. и выполненная из юго-западного угла двора, на которой виден западный фасад и в сокращении южный (илл. 10). Здание на заднем плане слева, отдаленно напоминающее Большой Кремлевский дворец, – это теремной дворец, каким он был уже в XVI в., что подтверждается хорошо видными на заднем плане правее его главами малых дворцовых церквей, Успенского собора и комплексом колокольни Ивана Великого. Это позволяет сравнить два относительно близких по времени строительных периода в истории собора (34, с. 12, рис. 3).

Илл. 9. Собор Спаса Преображения на Бору. Вид с севера. Снимок из альбома Н. А. Найденова. М., 1983.

Известно еще одно обновление или скорее реставрационная перестройка собора в середине XIX в., выполненная Ф. Ф. Рихтером при строительстве Кремлевского дворца. Ф. Ф. Рихтер был практикующим архитектором, но и профессионально занимался реставрацией памятников архитектуры. В частности, он реставрировал Благовещенский собор, Боровицкую башню в Кремле, церковь в Дубровицах, Ипатьевский монастырь в Костроме и был автором проектов Владимирского и Александровского залов Большого Кремлевского дворца. Ф. Ф. Рихтер занимался реставрацией Спасо-Преображенского собора в 1850-е гг. В то же время известна дата последнего обновления собора, правда без указания на участие Рихтера

в этой работе. По свидетельству С. П. Бартечева, в 1857–1863 гг. собор Спаса на Бору был «в последний раз возобновлен и расписан внутри иконописцем Рогожкиным по образцу Ярославской соборной церкви Иоанна Предтечи» в Толчкове (5, с. 136–140). После этого собор был заново освящен митрополитом Филаретом (32, с. 63–66). Большой Кремлевский дворец, при возведении которого Рихтер замещал К. А. Тона, возглавлявшего проектирование из Петербурга, строился в 1838–1850-е гг. (45, с. 339).

При обновлении 1863 г. верхние приделы получили наименования: северный – мч. Прокония, южный – свт. Стефана Пермского. Придел Трех Святителей оставался невосстановленным и был служебным помещением. В главном иконостасе находились храмовые иконы Сретенского собора, разобранного в 1801 г., и церкви Похвалы Богородицы, находившейся в Потешном Дворце и упраздненной в 1809 г. (1, № 1).

Илл. 10. Вид царских дворцов с собором Спаса на Бору. Гравюра XIX в.

Церковь Трех Исповедников Гурия, Самона и Авива с приделом св. Сильвестра, бывшая в Кремле самостоятельной, обозначена на годуновском чертеже. Можно предполагать, что этот престол впоследствии, с упразднением церкви, был перенесен к церкви Спаса на Бору (23, с. 238).

Так что, вероятно, реставрация собора Рихтером и его обновление в 1857–1863 гг. – это одно и то же событие, может быть несколько растянутое во времени. Тогда становится понятной разница в изображении собора на поздних фотографиях, выполненных после реставрации, и на гравюре, датированной расплывчато XIX в., выполненной до реставрации и, возможно, до строительства Большого Кремлевского дворца. Иначе говоря, эта гравюра отражает общий характер перестройки собора, выполненной под руководством М. Ф. Казакова, подвергшейся со временем неизбежным, но небольшим изменениям. Можно еще отметить, что вскрытые при частичном ремонте притвора в 1836 г. древние каменные гробницы не были замечены при перестройке собора М. Ф. Казаковым. Следовательно, эта переделка здания в кирпиче началась с сохранявшихся белокаменных фундаментов и тем самым оставила без изменения общее плановое решение.

В соборе Спаса на Бору «Рихтер... вначале произвел натурные исследования, выявив три строительных периода в истории храма. Затем он разобрал поздние пристройки, восстановил первоначальное завершение, вернул окнам древнюю форму» (9, с. 233).

Отличия в архитектуре собора на поздних фотографиях и на упомянутой гравюре заключаются прежде всего в расчистке заложенных проемов, прежние формы которых явно читались в виде заглушенных, но намеренно оставленных заметными арок, внутри которых находились маленькие окна. Особенно хорошо это заметно на вторых этажах обеих двухэтажных башенок, фланкирующих западный фасад, где размещались звонницы и малые придельные церкви. При этом проемы в звонницах оставлены открытыми, а в приделах устроены окна. Это же относится и к средней части западного фасада, где на месте маленького прямоугольного дверного проема, обрамленного случайно расположенными окнами, восстановлен главный вход в собор с перспективным порталом. Убрана наружная лестница, которая вела в помещение звонницы и в северо-западные приделы. Там, где это можно увидеть, сохранена треугольная форма кровель. Трудно судить только по фасадам об изменениях во внутренней планировке, но можно заметить, что маленькие главки, отмечающие места придельных церквей, оставлены на месте и практически без изменений их формы. Оценивая реконструкцию собора Ф. Ф. Рихтера в целом, можно сказать, что, несмотря на несколько нарочитую стилизацию, она выполнена вполне профессионально, с явным стремлением сохранить не только отдельные детали и формы, но и передать целостный величественный облик этого небольшого сооружения.

На плане Москвы Комитета городского хозяйства, выполненном Н. Белоусовым в 1849–1850 гг. (не публиковался), собор показан в центре сильно уменьшившегося в размерах и полностью замкнутого двора размерами примерно 46 × 59 м. Уменьшение размеров двора было связано со строительством нового Большого Кремлевского дворца. Стены храма отстояли от стен дворца не более чем на 25 м. К этому же времени относятся чертежи собора, выполненные известным московским архитектором А. А. Мартыновым, автором трудов по истории русского зодчества, участвовавшим в 1840-х гг. в строительстве дворца. План и разрез собора, выполненные по чертежам А. Мартынова, приведены в книге И. Л. Бусевой-Давыдовой (9, с. 231–232). Также там приведена интересная акварель неизвестного художника конца XVIII в. с видом на собор Спаса на Бору и Теремной дворец. (илл. 2, *цв. вкладка*).

В 1812 г. в церкви Спаса на Бору были укрыты священные предметы из других церквей, и, хотя собор был разграблен, основные ценности избежали гибели и расхищения. После войны северо-восточный придел использовался как служебное помещение, а церковь Трех Святителей была перенесена в другое место, возможно в придел Архангела Михаила. В 1817 г. собор был обращен в ружную церковь и приписан к дворцовому храму Спаса Нерукотворенного, но жители Москвы продолжали называть его собором. В это время в церкви было четыре придела: «1. Во имя св. мучеников Гурия, Самона и Авива; 2. Чудотворца Спиридона; 3. Архангела Михаила и трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого» (37, с. 40).

Тогда же появилась возможность устройства придела погребенного в соборе свт. Стефана Пермского, канонизированного Макарьевским Собором 1549 г. Этот придел находится на втором этаже юго-западного угла собора, на месте прежнего придела св. Архангела Михаила (44, т. 1, с. 86).

На втором этаже симметричной ему северо-западной пристройки был устроен придельный храм св. Прокопия, на месте придела св. Мины. Святых с именем Прокопий известно несколько, но очевидно, что этот святой был выбран неслучайно. С. П. Бартенев называет его великомучеником (5, с. 136–149) и тогда это Прокопий Иерусалимский – принявший христианство римский воин, погибший во время Диоклетиановых гонений на христиан в Александрии в 303 г. Но были еще три свв. Прокопия: Великоустюжский, Вятский и Вологодский, все трое – Христа ради юродивые. Известно, что Прокопий Великоустюжский предсказал буду-

щей матери свт. Стефана Пермского, увидев ее трехлетней девочкой, что она будет матерью этого просветителя. Кстати, канонизирован св. Прокопий юродивый был тем же Макарьевским Собором, что и свт. Стефан Пермский, а день празднования памяти Прокопия юродивого назначен в день памяти вмч. Прокопия – 8 июля (ст. ст.), при этом дата смерти обоих святых отличается ровно на тысячу лет: 303 и 1303 гг. Возможно, это объясняет логику создания парных приделов свв. Стефана и Прокопия в соборе Спаса на Бору.

В 1917 г. в соборе находилось несколько замечательных местночтимых икон: чудотворная икона Всемиловитого Спаса в древнем окладе, покрытая слюдой, принадлежавшая, по преданию, супруге Ивана III Зое Палеолог, привезенная ею из Рима (хранилась на аналое в стеклянном кивории); храмовая икона Преображения Господня работы XVI в.; Боголюбская икона Богоматери, принесенная из Боголюбова; Собор архангелов Михаила и Гавриила; Похвалы Богородицы (1, № 1).

Собор Спаса на Бору был разрушен в 1933 г., как говорят, по личному распоряжению Сталина при объединении двух залов Большого Кремлевского дворца – Александровского и Андреевского – в один зал заседаний Верховного Совета СССР и РСФСР по проекту архитектора И. А. Иванова-Шица, а на месте храма сделана пристройка к дворцу со служебными помещениями.

При разборке храма были обнаружены фрагменты резных белокаменных деталей орнаментального пояса, характерного для раннемосковской школы XIV в. (45, с. 264). Правда, остается неясным, где именно на фасаде храма мог быть этот орнаментальный пояс. В фондах музеев Кремля сохранились две иконы собора. Неизвестна судьба захоронения св. Стефана Пермского.

НАСТОЯТЕЛИ МОНАСТЫРЯ

Архимандриты

Иоанн I, 1346 г., хиротонисан в епископа Ростовского.

Иоанн II, прозванием Непейца, в 1374 г. отошел на безмолвие.

Михаил, прозванием Митяй. (1375–1377), печатник, духовник Дмитрия Донского, был избран Митрополитом Всероссийским, но на пути в Константинополь для посвящения скончался и погребен в Галате.

Симеон, в 1382 г. убит в Кремле татарами Тохтамыша.

Сергий I Азаков, упом. в 1389 г., Никоновская летопись IV, 158.

Игнатий, спутник митрополита Никона в Царьград, вместе с Сергием Азаковым вел путевые записки Митрополита, Никоновская летопись IV, 166.

Феодосий, значится Архимандритом Спасским в 1404 г., Никоновская летопись II, 312.

Иларион (1408), впоследствии епископ Коломенский, Софийский временник I, 439, но по Никоновской летописи архимандрит Симоновский.

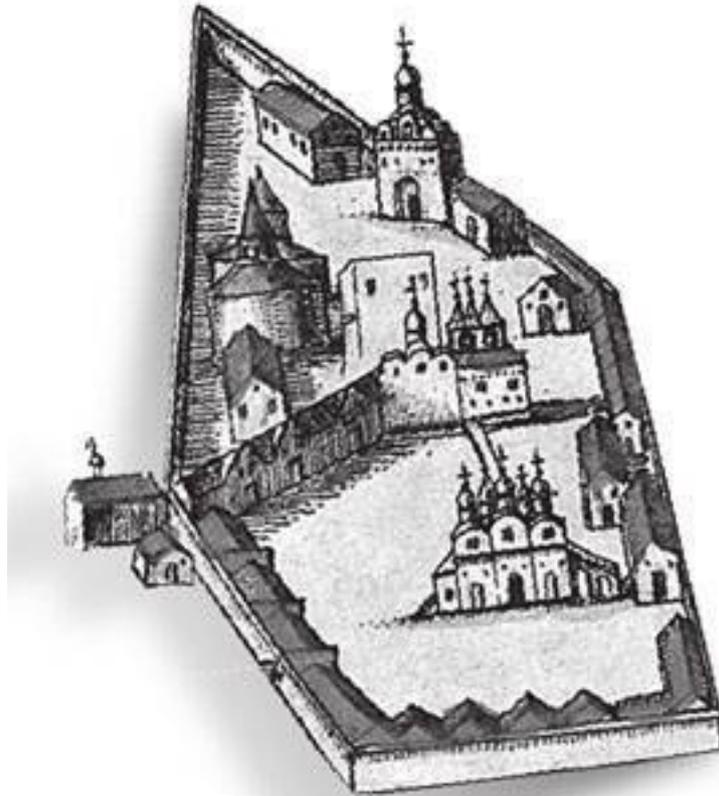
Сава, игумен, упом. в 1410 г., Древняя Российская Вифлиофика, I, 147.

Трифон, упом. в 1462 г., потом архиепископ Ростовский.

Вассиан I, прозванием Рыло, в 1466 г. произведен из игуменов Троице-Сергиевой лавры, в 1468 г. архиепископ Ростовский; Герман, упом. в 1474.

Елисей, упом. в 1483 г., Никоновская летопись, IV.

Чудов монастырь

Чудов кафедральный 1-го класса необщежительный мужской монастырь находился в Кремле, на Царской или Ивановской площади, недалеко от Спасских ворот, на современном пустыре между бывшим зданием Сената и снесенным Малым Николаевским дворцом (илл. 3, *цв. вкладка*). В XIV в. на этом месте находился Ордынский Посольский двор Золотой Орды или Улуса Джучи, монгольского государства, в вассальной зависимости от которого находились русские княжества.

В середине XIV в. жену хана Джанибека, Тайдулу, поразила болезнь, в результате которой она потеряла зрение. Джанибек писал великому князю: «Мы слышали, что небо ни в чем не отказывает молитве главного попа вашего; да испросит же он здравия моей супруге» (62, с. 15). При этом послании было грозное дополнение: «Если царица получит исцеление по молитвам того человека, ты будешь иметь со мной мир. Если же ты не пошлешь его ко мне, то я разорю огнем и мечом твою землю» (21, с. 243).

Здесь явно идет речь о святителе Алексии, митрополите Киевском и всея Руси, снискавшем славу чудотворца. Он родился в Москве в конце XIII в. (между 1293–1298 гг.) в семье черниговского боярина Федора Бяконта, перешедшего на службу к князю Даниилу Александровичу. Крестным отцом его был княжич Иван Данилович, давший ему при крещении имя Елевферия (по другому житию – Симеона). Еще юношей он ушел в московский Богоявленский монастырь, где в 1320 г. был пострижен в иночество с именем Алексия игуменом Стефаном, братом преп. Сергия Радонежского и духовником великих князей. Свт. Алексий достиг высоких степеней духовного и нравственного совершенства, был назначен митрополичьим намест-

ником и с согласия св. митрополита Феогоста рекомендован был великим князем к поставлению в митрополиты. В 1355 (1363?) г. константинопольский патриарх Филофей объявил его митрополитом Киевским и всея Руси. Свт. Алексей известен строительством монастырей, написанием поучительных посланий и переводом Нового Завета с греческого языка на славянский, опекой над сыном рано умершего князя Ивана Ивановича Красного, малолетним Дмитрием, будущим Дмитрием Донским. Тогда митрополит фактически был главой государства.

Получив послание хана, великий князь Иван Иванович поручил эту трудную миссию святителю Алексию. (По другим источникам, это событие произошло уже при сыне Ивана Красного великом князе Дмитрие Ивановиче Донском.) Считая подобные деяния превышающими его силы, свт. Алексей тем не менее не смог отказать князю, понимая возможные тяжелые последствия для Руси. Вместе с духовенством он долго молился в соборном Успенском храме у гроба св. чудотворца митрополита Петра, где произошло чудесное знамение, замеченное всеми присутствовавшими – зажглась сама собой большая свеча, стоявшая у гроба. Святитель Алексей из воска этой свечи сделал малую свечку, с которой и отправился в Орду, где ему удалось осуществить чудесное исцеление. В благодарность за это страдавшая слепотой более трех лет Тайдула подарила митрополиту золотоордынское подворье в Кремле. Все эти события вряд ли могли произойти позднее 1357 г. из-за начавшейся в Орде в этом году смуты, во время которой сын хана Джанибека Бердибек убил отца и двенадцать своих братьев, сам был убит в 1359 г., а в следующем году погибла и знаменитая Тайдула. При отъезде из Орды митрополит Алексей получил ярлык уже от Бердибека. (23, с. 286). На месте подаренного ханшей подворья свт. Алексей построил в 1358 г. деревянную церковь, а в 1365 г. заложил каменную церковь и основал при ней общежительный монастырь в память Чуда Архистратига Михаила в Хонех (9, с. 104) с целью основать здесь митрополичий монастырь и завещал похоронить себя возле алтарей церкви (1, № 15).

В Москве в 1365 г. произошел крупнейший пожар, получивший название «Всехсвятского» по имени села Всехсвятского и одноименной церкви в районе будущего храма Христа Спасителя. Пожар сопровождался сильнейшей бурей. «В лето 6873... загореся город Москва от Всех Святых с верху от Черторьи и погоре Посад весь и Кремль и Заречье засуха велика, еще же и буря велика к тому вста, и меташа за 10 дворов головни и берня с огнем, и не бе язи гасити, но все огонь поясть, в едины бо два часа весь град погоре без остатка. Се же словет великий пожар от Всех Святых, преже бо не бывал таков пожар» (49, т. VIII, с. 249–250).

Удаление ордынского двора из Кремля, центра столицы государства, было, может быть, небольшим, но очень важным символическим шагом на пути избавления России от ханской зависимости.

После кончины святителя Алексия в 1378 г. Дмитрий Донской, священнослужители и бояре сочли недостойным хоронить его за пределами храма, как он просил при жизни, и положили его останки в приделе Благовещения Богородицы в созданном им храме (илл. 4–6, *цв. вкладка*). Через 53 года после кончины митрополита, в 1431 г., своды и стены собора рухнули. При этом гробница свт. Алексия была повреждена, но его мощи были найдены неповрежденными и нетленными. Совершенно целыми оказались даже ризы почившего святителя, как будто их надели накануне (21, с. 246). Церковь восстановили предположительно в 1431–1438 гг.

По сведениям одного из житий митрополита Алексия новая постройка была «менее первая, но обаче высока и зело пространна, и прекрасна, и трикровна выспрь восходы имея... новую ж церковь святага архаггела Михаила всяческими лепотами исполнивше и всем освящению... той церкви свершаемому бывшу, в ню же внесоша чудесные мощи святаго Алексия в раце, с подобающимъ славословием и мноюю честию и поставиша ту же в приделе преславнаго Благовещения» (19, с. 212–214). Эти сведения очень важны для архитектурной характеристики как первого храма 1365 г., так и храма 1431 г. В совокупности с другими косвенными

свидетельствами они же объясняют и некоторые особенности третьего храма, построенного в 1501 г.

Итак, первый каменный храм, построенный свт. Алексием, был сооружением с одной главой, без подклета, с полом, совсем немного возвышающимся над поверхностью земли, и с приделом Благовещения, устроенным, по мнению В. П. Выголова, в южную апсиду – дьяконник основного алтаря (13, с. 72–74). Пол второго храма (1431 г.) значительно возвышался над поверхностью земли. Слово «трикровна» понимали первоначально как «триглавна», то есть собор с тремя главами, пока Н. Н. Воронин, а за ним В. П. Выголов, основываясь на данных раскопок подклета, не показали, что речь здесь идет скорее о том, что собор был трехэтажным, учитывая подклет и подвал. Он простоял до очередного крупного кремлевского пожара 1493 г., когда «у Чуда в монастыре казна выгорела». В 1483–1485 гг. по заказу архимандрита Чудова монастыря Геннадия на новом месте построили особую Алексеевскую церковь с трапезой, «с горними верхними и дольными нижними полатами», каменной кельей и каменными погребями (23, с. 289–290).

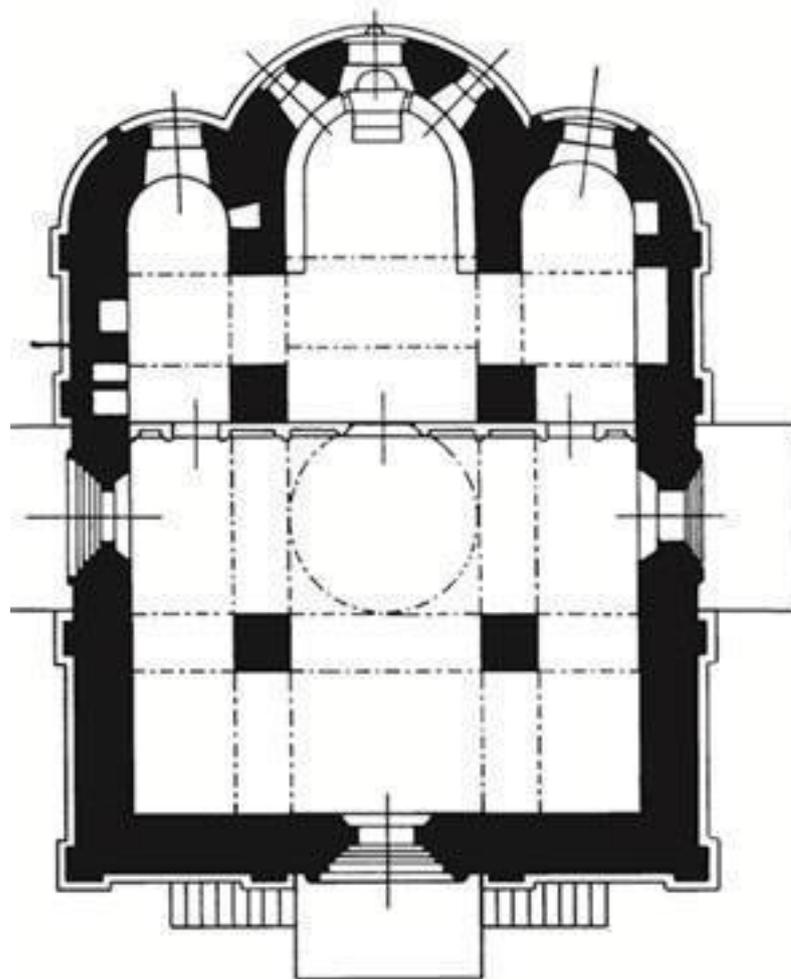

Илл. 11. Собор Чуда Михаила Архангела в Московском Кремле, 1501–1503 гг. Вид с запада. Снимок 1910-х гг.

В 1501 г. старый, обветшавший Михаило-Архангельский собор, пострадавший к тому же в пожаре, по приказу великого князя Ивана III был разобран и на его месте, по-видимому итальянскими мастерами круга Алоизио да Карезано, строившими в это время княжеский дворец, сооружен новый, также с приделом Благовещения Богородицы (илл. 11). Он был освящен

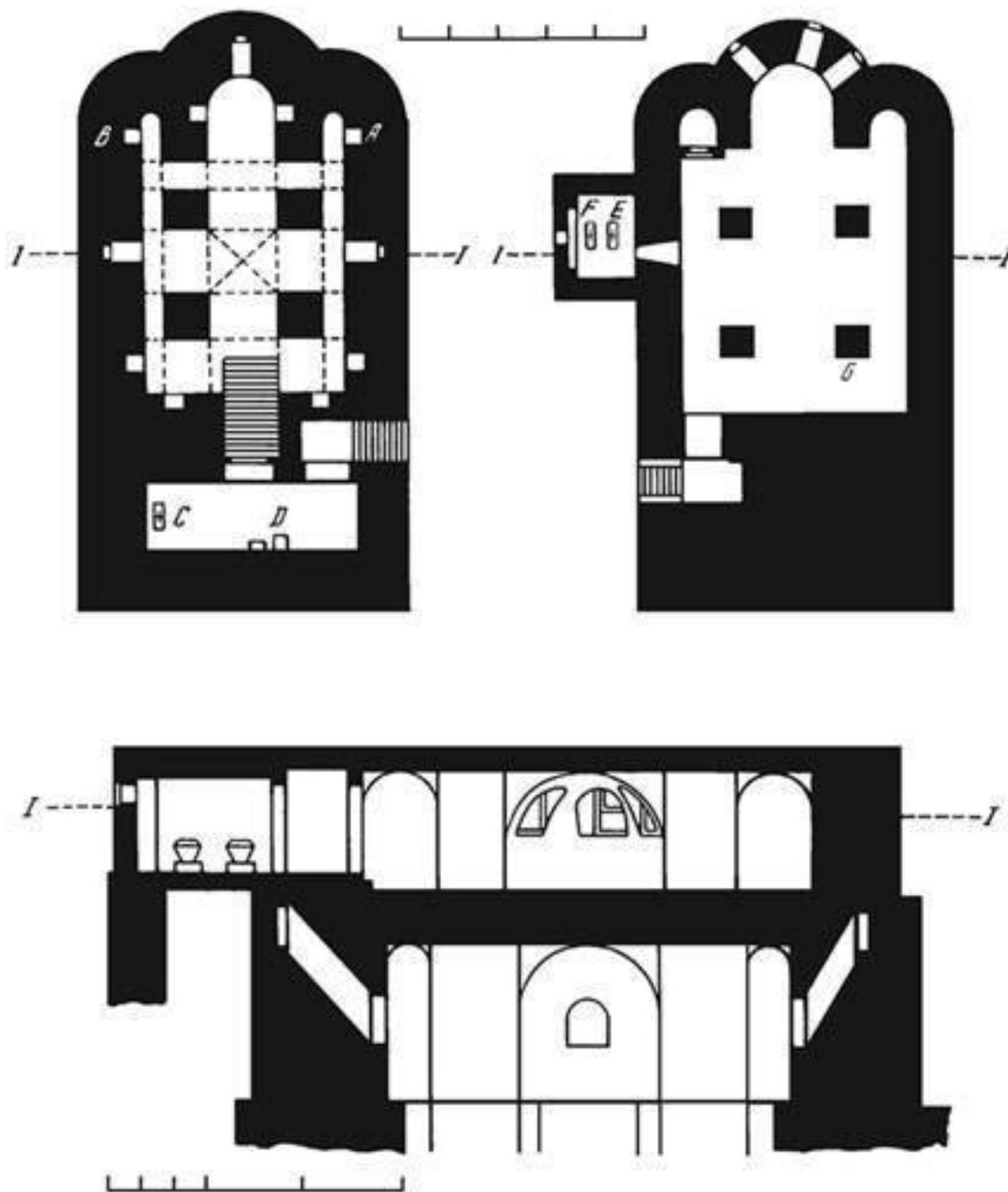
в 1503 г. митрополитом Симоном и архиепископом Геннадием и просуществовал вплоть до разрушения монастыря (6, с. 179).

Новый Михайловский собор был пятиглавым, в отличие от прежних одноглавого и трехглавого (илл. 12). План собора вполне традиционен для московской архитектуры начала XVI в., насколько можно судить по поздним чертежам архитекторов и реставраторов Ф. Ф. Рихтера середины XI в. и А. А. Потапова начала XX в. По наружному обмеру собор не превышал 13 м в ширину и 18 м в длину. Четыре квадратных столба со стороной примерно 1,2 м делили внутреннее пространство собора на три нефа: центральный – шириной около 4 м – и вдвое более узкие боковые. Поперечный средний пролет равнялся ширине центрального нефа, образуя в средокрестии подкупольный квадрат 4 × 4 м. Нефы заканчивались в восточной части тремя апсидами алтаря, средняя из которых с тремя окнами выступала на два метра далее боковых, имеющих по одному окну. Алтарная преграда проходила по западной грани восточной пары столбов. Главный западный вход, как и боковые, южный и северный, расположены по осям нефов, но только два из них – западный и северный – были обрамлены традиционными для раннемосковской архитектуры перспективными порталами. Южный портал целиком был выполнен в форме ренессансной плоской арки с профилированными тягами из терракотовых плиток (15, с. 200–202; с. 209, рис. 1; с. 210, рис. 3). Ко входам примыкали небольшие паперти с лестницами. Под церковью были сооружены монументальные белокаменные сводчатые подклеты высотой 3,5 м и подвал высотой 4,5 м с отдельными входами (илл. 13–14). Подклет освещался небольшими окнами, а подвал был совершенно темный (13, с. 67, 71, 73). Его открыли случайно, во время ремонтных работ в начале XX в. (илл. 15–16). Попасть в него можно было только через особое замурованное отверстие по приставной лестнице.

Илл. 12. План собора Чуда Михаила Архангела Чудова монастыря по чертежу конца XIX в.

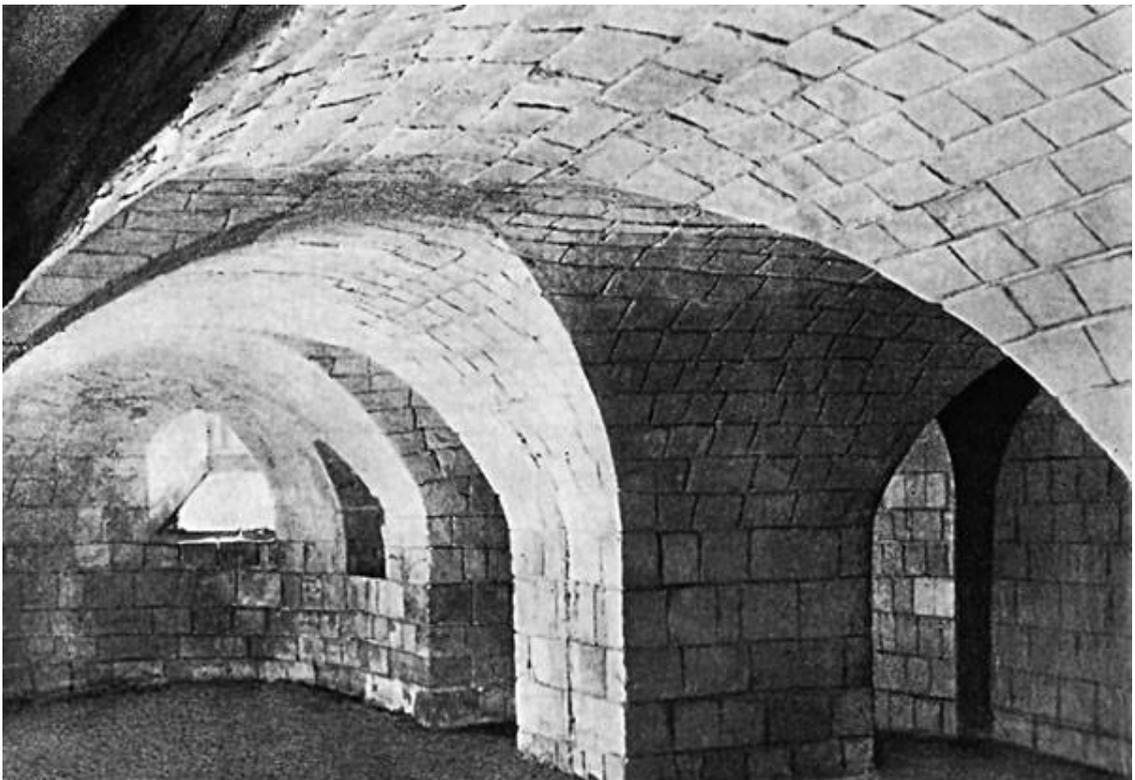
В Смутное время в этом подвале был заключен отказавшийся от сотрудничества с поляками и призывавший к борьбе с ними святой патриарх Гермоген, куда ему время от времени ставили ведро воды и куль овса и где он скончался 17 января 1612 г. мучеником за православную веру. Архиепископ Арсений Елассонский, будучи свидетелем этих событий и сам находившийся в заточении, пишет в своих записках, что «патриарх кир Гермоген» был заключен «в метохе (подворье) святого Кирилла» (см. главу «Афанасьевский монастырь, что подворье Кириллова монастыря»), в Чудовском монастыре был заключен «бывший патриарх кир Игнатий», назначенный Лжедмитрием, а также свергнутый царь Василий Шуйский, насильственно постриженный в монахи под именем Варлаама (28, с. 173, 175). На самом деле св. Гермоген находился на Кирилловском подворье только в начале заключения, но позднее был переведен в Чудов монастырь, где и погиб. При вскрытии подвала в нем были найдены железные вериги и несколько человеческих черепов и костей (32, с. 92–101). Святитель Гермоген был канонизирован 12 мая 1913 г., а в подклете Михаило-Архангельского собора тогда же была освящена новоустроенная церковь сщмч. патриарха Гермогена.

Илл. 13–14. Планы и разрез нижнего и верхнего ярусов подклета собора Чуда Михаила Архангела Чудова монастыря по чертежам конца XIX в.

Западный, южный и северный фасады собора решены одинаково. Плоские неширокие лопатки делят каждый из них на три вертикальных прясла с полукруглыми закомарами, по которым осуществлялось покрытие кровли. При этом центральная закомара несколько выше боковых из-за большей ширины среднего нефа. Под закомарами по периметру собора проходит аркатурно-колончатый пояс несколько вытянутых пропорций, опирающийся на мелко расчлененный фриз, частично перерезывающий пилястры и проходящий несколько выше середины высоты здания без подклета. В боковых фасадах в уровне аркатурно-колончатого пояса прорезаны прямоугольные окна по одному в западном и среднем пряслах, начинающиеся от низа капителей колонок пояса и доходящие до фриза. В полукруглых закомарах размещались росписи с сюжетами на евангельские темы. Барабан с куполом неоднократно переделывались – собор в последнем строительном периоде был одноглавым, но в целом позднее заверше-

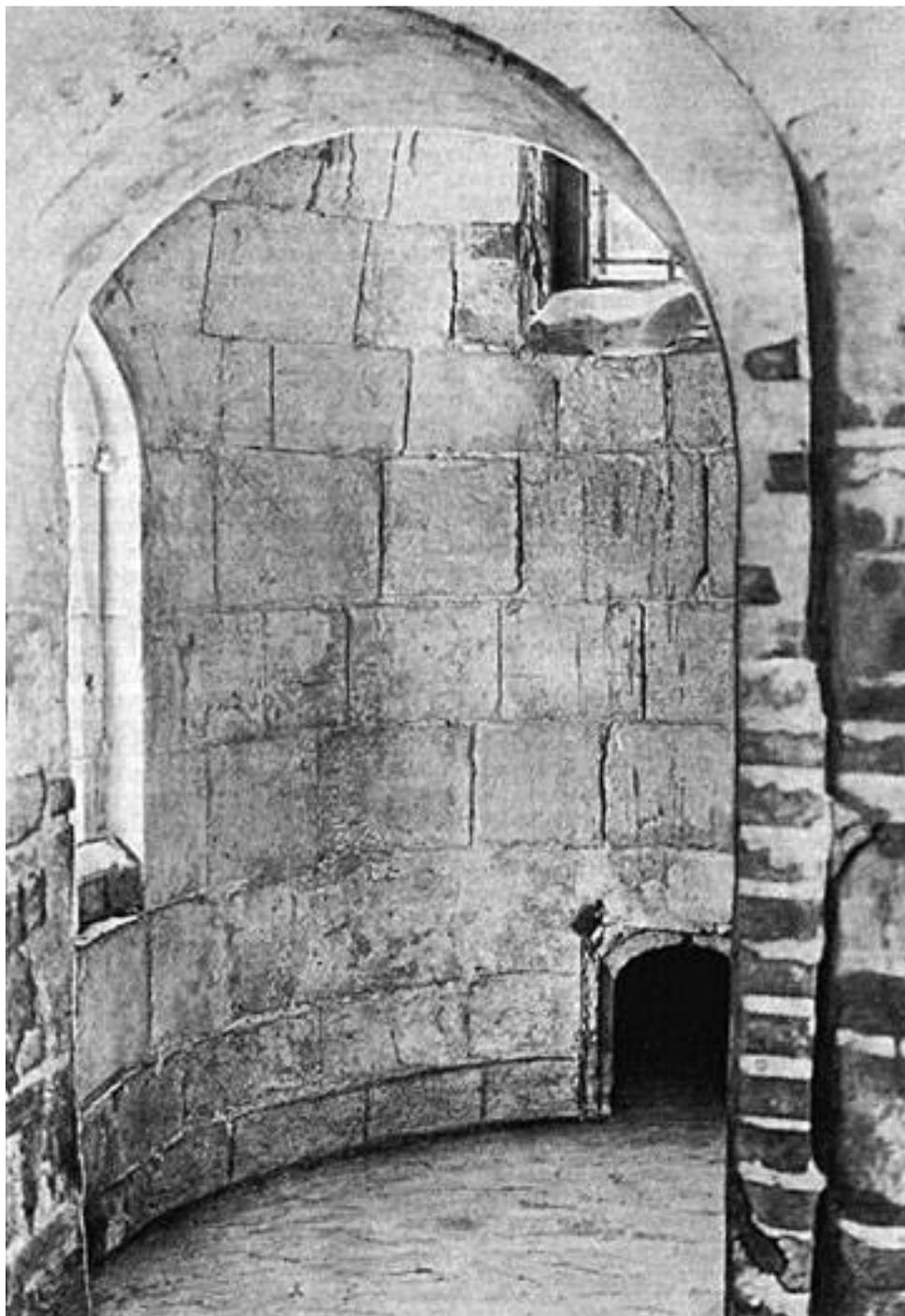
ние собора вполне гармонично его объему, а аркатурно-колончатый пояс на барабане поддержан применением аналогичного приема на стенах. На западном фасаде на фотографиях конца XIX в. в среднем прясле видны два заглушенных проема. Лестница с паперти западного входа была трехсторонней, а по бокам ее, вплотную к стене собора, были устроены закрытые входы в подклет.

Илл. 15–16. *Нижний и верхний ярусы подклета собора Чуда Михаила Архангела Чудова монастыря. Фото 1920-х гг.*

Интерьеры собора были расписаны в 1518–1519 гг. Во время пожара 1547 г. эта роспись погибла и в 1550-е гг. была заменена новой, которая впоследствии неоднократно поновлялась, но в целом сохранила характер, стиль и размещение сюжетов середины XVI в. Сохранились чертежи обмеров Ф. Ф. Рихтера середины XIX в. с прорисями живописных сюжетов. Перед сносом храма в 1929 г. часть фресок удалось снять со стен, но большинство погибли при взрывных работах по сносу (7, с. 13).

На рубеже XVI–XVII вв. монастырь занимал довольно обширную территорию, несколько вытянутую с востока на запад и имевшую в плане форму пятиугольника с одним острым углом, направленным на Успенский собор Кремля, что хорошо видно на известном плане «Кремле-наград» 1600 г. (45, с. 171–172, рис. 10; с. 273, рис. 13). Территория монастыря в это время граничила на востоке с Вознесенским монастырем, с южной стороны к ней примыкала усадьба Ф. И. Шереметева, позднее ставшая частью монастырских владений по Спасской улице, а с севера граница проходила по излому Чудовской улицы. Территория монастыря делилась на две примерно равные по площади части. В центре восточной части стоял пятиглавый собор Чуда Архангела Михаила в Хонех постройки 1501–1505 гг., окруженный по периметру двора одноэтажными кельями и хозяйственными постройками, согласно распространенному на Руси в это время планировочному типу монастыря с соборным храмом в центре пространственной композиции (илл. 17). Восточный комплекс монастыря отделялся от западного поперечным корпусом келий, к которому в середине двора примыкал одноглавый храм, – возможно, тот самый первый храм во имя свт. Алексия, построенный игуменом Геннадием. Стоит обратить внимание на две параллельные линии, идущие от невидимого с этой точки западного входа в Михайловский собор к юго-западному углу Алексеевского храма, явно обозначающие обрамление мощеной дорожки, на месте которой позднее пройдет крытый переход на столбах со сводами. Вплотную к этому одноглавому храму, но с некоторым отступом в глубину, к востоку, изображена трехшатровая постройка, близкая по формам и количеству шатров к звоннице храма Василия Блаженного, – возможно, первая монастырская колокольня в Кремле (см. илл. 3, *цв. вкладка*).

Илл. 17. Северная апсида верхнего яруса собора Чуда Михаила Архангела Чудова монастыря. Фото 1920-х гг.

В западной части территории монастыря, обнесенной каменным забором, видна надвратная одноглавая церковь с покрытием из декоративных кокошников, выходящая на Чудовскую улицу и близкая по формам к надвратному храму Симонова монастыря 1593 г. В южной части западного двора монастыря, у ограды, там, где позднее располагалась трапезная, изображена массивная двухэтажная постройка неустановленного назначения. У западного угла монастырской территории, за ее пределами, уже на Ивановской площади, на плане «Кремленаград» показана небольшая одноглавая церковь во имя мученика Христофора. У храма изображена «колокольница» древнейшей формы на одном столбе, звонили в которую при помощи вере-

вок непосредственно из церкви. Храм по местности назывался, «что у Чудова монастыря», до 1651 г. он был деревянным, а затем перестроен в камне.

В 1556 г. по случаю рождения дочери, царевны Евдокии, Иван Грозный по своему обычаю крестил ее в Чудовом монастыре и тогда же повелел построить над задними воротами монастыря обетную церковь во имя св. Иоанна Лествичника с приделом св. Евдокии, освященную в том же году митрополитом Макарием. Этот небольшой храм в середине XVII в. был переосвящен во имя св. Елевферия по мирскому имени свт. Алексия, а в XVIII в. при митрополите Платоне – во имя свв. Платона и Романа, еще позднее – во имя Всех Святых.

Монастырь много раз опустошали пожары, но он всякий раз возобновлялся и в XVI–XVII вв., несмотря на разрушения Смутного времени, достиг высшего процветания и носил почетное название Великой Лавры.

К концу XVII в. относится храмовая надпись, исполненная по типу широко распространенных в этом столетии летописей с указанием имен живописцев, подписывавших храм, и содержащая имя зодчего – автора, условно говоря, архитектурного проекта. Эта надпись располагалась на стене Алексеевской церкви Чудова монастыря. Она гласила: «Лета 7188 (1680) месяца августа начаты быти соизданы святыя храмы первый храм в честь святого Благовещения, второй св. Первозванного Апостола Андрея, третий св. Алексия митрополита Всероссийского повелением государя царя и великого князя Феодора Алексеевича по его Государскому чертежу и указной мере, каков чертеж от него Государя прислан в Чудов монастырь» (2; Московский кафедральный Чудов монастырь. Сергиева лавра, 1896. С. 16–17). Надпись несомненно поновлялась (Чудов монастырь пострадал в 1812 г.), но текстологические особенности надписи сомнения не вызывают: они соответствуют указанной дате.

Алексеевский храм Чудова монастыря, содержащий гробницу митрополита Алексия, имел необычное устройство. Фактически это были два пятиглавых бесстолпных храма – митрополита Алексия и Благовещения (илл. 7, *цв. вкладка*). Эти храмы имели общую стену, прорезанную аркой, под которой и размещалась гробница. Алексеевская церковь предназначалась только для мужчин, Благовещенская – для женщин (Андреевская – для монахов). Казалось бы, логично было отвести мужчинам тот храм, который выходил во внутренний двор монастыря (напоминаем, что Чудов монастырь был мужским), однако строители поступили как раз наоборот. Очевидно, отдавая женскому полу северную, то есть левую от входа часть двойного храма, стремились соблюсти обычай греческой церкви (до никоновских времен у нас неизвестный) разделять молящихся, ставя мужчин справа, а женщин слева от центральной оси храма. Особенностью постройки являлся арочный проход, соединяющий алтари обоих храмов. В данном случае он был необходим, поскольку, когда литургия служилась в Алексеевской церкви, то Св. Дары через арку-проход выносились для женщин в алтарь Благовещенского храма. Любопытно также расположение дверных проемов. В Благовещенскую церковь можно было попасть только через трапезную Алексеевского храма, со стороны монастыря входа не было; в церковь апостола Андрея, предназначенную для монахов, наоборот, можно было пройти лишь из монастыря (илл. 18). Столь нетривиальное решение, вероятно, действительно явилось плодом упражнений благочестивого монарха. Федор Алексеевич скончался в 1682 г., и мощи святителя Алексия перенесли в новый храм его наследники – Иван и Петр.

Илл. 18. Алексеевский и Благовещенский храмы Чудова монастыря. Вид со двора, с северо-восточного угла. Начало XX в.

В 1680 г. царь Федор Алексеевич разработал весьма оригинальный проект новой Алексеевской церкви на месте разобранной постройки архиепископа Геннадия. Событие это экс-

траординарное, – не царское это дело, но выполнять его следовало буквально, несмотря на явные противоречия в функциональной организации и композиции комплекса. По царскому чертежу предполагалось построить сразу две церкви, одинаковые по плану, стоящие вплотную друг к другу, с одной общей стеной, в которой был устроен арочный проем, и с общей кровлей. В арочном проеме, соединявшем две церкви, по примеру некоторых новгородских храмов была поставлена серебряная рака с мощами свт. Алексия. Южная церковь, выходившая на Кремлевскую площадь, была освящена во имя свт. Алексия и предназначалась только для мужчин, а северная – в честь Благовещения Богородицы – выходила на площадь монастыря и была отведена для женщин, что создавало немалые трудности для организации отдельных независимых входов в каждый храм. При этом Благовещенская церковь считалась придельной. Поэтому ее пять глав с куполами, идентичных по архитектурному решению деталям главам Алексеевской церкви, существенно меньше последних по высоте, что выглядит несколько странно, хотя логика такого решения понятна и заметно это только из монастырского двора, при взгляде на комплекс с запада (илл. 8, *цв. вкладка*).

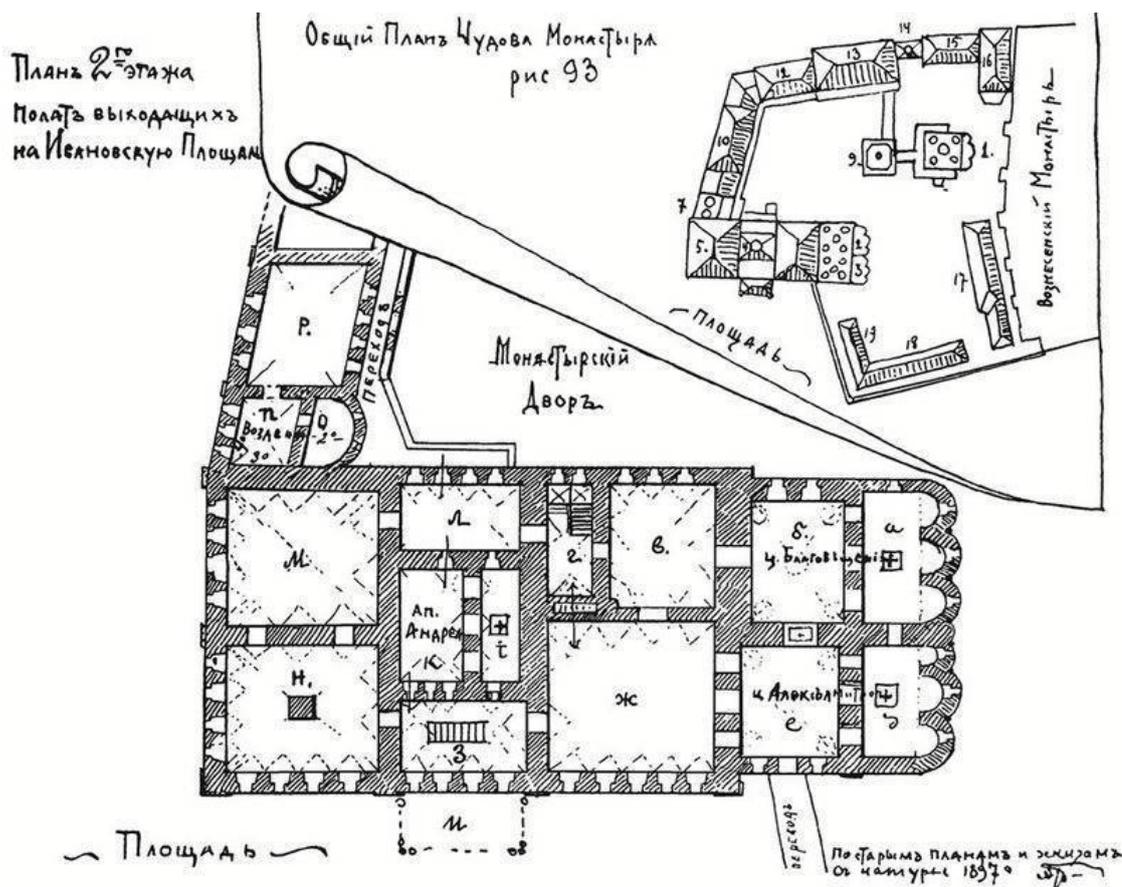
Первой в 1686 г. была закончена церковь свт. Алексия, на торжественном освящении которой присутствовали патриарх Иоаким и архимандрит Адриан, впоследствии, в 1690 г., избранный патриархом, другие священнослужители и члены царской фамилии. Накануне освящения храма, 19 мая, мощи свт. Алексия, хранившиеся во время строительства в старом храме Чуда Архангела Михаила, после совершения молебна патриархом, царями Иваном и Петром и архиереями, вынесены из храма через южные двери на паперть, откуда с хоругвями, крестами и иконами, с колокольным звоном на Иване Великом и монастырской колокольне перенесены в новый храм. Мощи святителя пронесли по главной южной лестнице мимо алтарей церкви на подготовленное место. На следующий день, 20 мая, день памяти Обретения мощей Святителя, произошло освящение храма, на котором присутствовал царь Иван Алексеевич. Осенью того же года после завершения внутренних отделочных работ были освящены патриархом Благовещенская церковь и небольшой храм во имя апостола Андрея Первозванного, предназначенный только для монахов и примыкавший к западным стенам Алексеевской и Благовещенской церквей (23, с. 293).

Возникновение Андреевской церкви исторически связывается со стрельцким бунтом 1682 г. и династической борьбой между родственниками престолонаследников скончавшегося царя Федора Алексеевича – Милославскими и Нарышкиными. По старшинству за Федором шел его болезненный брат Иван, сын Милославской, как и царевна Софья, но родственники второй жены царя Алексея Михайловича – Натальи Кирилловны Нарышкиной, которых поддерживали патриарх Иоаким и многие бояре, прочили на престол самого младшего сына царя Алексея, здорового и умного Петра. Царевна Софья, преследуя личные цели, поддерживала своего болезненного, но единокровного брата царевича Ивана и сумела привлечь в свою партию стрельцкого воеводу князя Хованского. Стрельцы подняли бунт, к которому присоединились старообрядцы. Принятое компромиссное решение, провозгласившее царями обоих братьев – и Ивана, и Петра, а царевну Софью – правительницей, не решило проблемы. Бунт разрастался, и усмирить его поручили патриарху Иоакиму. Патриарх призвал представителей всех стрельцких полков в Успенский собор на примирительное богослужение и вынес им драгоценную святыню – мощи левой руки св. Андрея Первозванного, почитавшегося первым проповедником христианства на Руси, и после молебна прочитал им царские грамоты с призывом о прекращении смуты и обещанием всеобщего прощения. Мятежники покорились, а для священной реликвии был устроен особый храм во имя св. ап. Андрея, полностью расположенный внутри здания, не имеющий наружных стен и проявленный в архитектуре комплекса одной позолоченной главкой, выведенной над коньком кровли.

Чудов монастырь пережил еще два крупных опустошительных пожара – в 1701 и 1737 гг. и для его восстановления требовались немалые средства, но Коллегия Экономии выделила на

это только 2000 рублей. Тем не менее опись 1763 г. показывает вполне удовлетворительное состояние церквей и всех зданий монастыря как полностью сложившегося комплекса, известного по фотографиям и обмерным чертежам XIX–XX вв. (илл. 9, *цв. вкладка*) с неизбежными, но не очень существенными изменениями в общем объемно-пространственном решении и более заметными изменениями в облике отдельных сооружений, обработке их деталей, характере обновлявшихся неоднократно росписей и колористическом решении ансамбля.

Соборная церковь Архангела Михаила оставалась еще пятиглавой с центральной позолоченной главой и малыми главами, крытыми белой жемчужной и выкрашенными в зеленый цвет. С трех сторон церковь окружала крытая железом паперть с 12 окончинами и каменными лестницами. От собора к Благовещенской церкви и к архиерейским покоям в комплексе зданий северного ограждения монастырского двора вели каменные на столбах крытые переходы с окошками. Если были надземные переходы между зданиями, позднее не сохранившиеся, то должны были быть и выходы на них. Они могли осуществляться при помощи узких лестниц внутри самих галерей, но могли вести непосредственно из зданий. Возможно, два заглушенных окна на западном фасаде Михайловской церкви, отмеченные выше, служили для этой цели – выхода в переходную галерею. Тогда внутри храма у его западной стены должна была быть лестница, ведущая на площадку перед выходом из здания. Вряд ли переходные галереи могли быть на уровне пола храма, то есть по верху подклета, – в этом случае они сильно осложняли бы передвижение по двору. Такие переходы были обычным явлением в Чудовом монастыре – они отмечены на плане А. А. Потапова начала XX в. (илл. 19) вдоль дворовых фасадов северных и западных корпусов, а также от собора к колокольне и далее, к архиерейским покоям. У переходов возле храма с западной стороны стояла пятиярусная колокольня. Нижние ярусы были прямоугольными в плане, а верхние – восьмиугольными. На четвертом ярусе размещалась библиотека, а на пятом, с 8 открытыми проемами-слухами висели 12 колоколов; верх колокольни оканчивался фонарем также с 8 слухами, который завершался главой с железным крестом.

Илл. 19. Общий план Чудова монастыря. План 2-го этажа Палат, выходящих на Ивановскую площадь. Начало XX в.

1. Соборный храм Чуда Архист. Михаила; в описи Мичурина значится, что храм пятиглавый, с папертиями и сходами.
- 2, 3 и 4. Церкви Благовещения, Алексия митрополита, св. ап. Андрея Первозванного.
- 5–7. Крестовоздвиженская, с примыкающими к ней палатами.
8. Ц. Препод. мч. Евдокии на задних воротах: построена в 1556 г.; в описи Мичурина значится во имя Платона и Романа, крестовая, одноглавая.
9. Колокольня; по описи Мичурина о 4 ярусах с подвалами; из них два нижних 4 угольных и два верхних 8-угольных с шатровыми сводами.
10. С зап. стороны здание о трех апартаментах: в нижнем – поварни, квасоварни и проч. службы; во втором 5 братских келий, в третьем 3 кельи, при них же переходы во всех этажах.
12. С сев. стороны здания о трех апартаментах; все заняты братскими кельями, против них переходы.
13. Здание о трех апартаментах: нижний под архиерейскими кельями.
14. Служебный; во втором – 4 кельи, сени, крыльцо; в третьем 6 келий; снизу, т. е. из 2-го этажа, вверх деревянная крутая лестница, архиерейские покои, крестовая зала, столовая, наугольная библиотека – кельи и проч.; против здания переходы.
15. На той же стороне здание о 2 апартаментах: нижний – караульные палаты, погреба и проч.; во 2-м – судейская, подъячая и архивная палаты.
16. С вост. стороны – нижний апартамент под наместничьими кельями служебные помещения; во 2-м апарт. 5 наместнических келий и крыльцо.
17. На той же стороне: нижний – службы, второй – кельи; дл. 34 саж.
18. С южной стороны: нижний – службы, второй – кельи.

19. С зап. стороны – то же.

20. Монаст. ограда с юж. стороны на 47 саж., с зап. – на 30.

В настоящее время № 17, 18, 19 в XVIII веке отошли под архиерейский дом, а потом перестроены для Императорского дворца (см.: Шохин Н. А. Исторические очерки Малого Николаевского дворца в Московском Кремле. Сборник очерков и детальных рисунков русских старинных построек. М., 1872).

Две соседние церкви – Алексеевская и Благовещенская устроены одинаково: обе на высоком подклете, трехапсидные, пятиглавые, бесстолпные, с глухой стеной, отделяющей церкви от алтарей с проемами для алтарных врат и между алтарями и арочным проемом с ракой для мощей свт. Алексия, но с отдельными входами для мужчин и женщин. Полы в обоих храмах были выстланы чугушной лещадью. Из церкви свт. Алексия три прохода вели в квадратную обширную трапезную, а оттуда в разгрузочную внутреннюю паперть, сообщающуюся с Андреевской церковью, с братской монастырской трапезной в торце комплекса, окна которой выходили в проход между Царской и Сенатской площадями против церкви Двенадцати Апостолов. Лестница с нижней папертью, выходящая в помещения первого этажа и к главному входу в комплекс с Царской или Ивановской площади, вела на парадное «крыльцо на двух столбах одинаких и двух тройных, при оных 4 жестяные трубы со змейками для сбегу с кровли воды; крыша крыльца железная; сверх оной две дуги железные, наверху дуг яблоко медное позлащенное, сверх яблока звезда с крестом. Крыльцо имело длины 5 саж. 12 арш., ширины 4 саж. 5 четвертей. Это старое крыльцо при митр. Платоне было построено в нескладном готическом стиле, как существует и доныне» (23, с. 296). Это красочное описание И. Е. Забелиным старого крыльца и в то же время критическое по отношению к грамотной, деликатной и все же чужеродной пристройке М. Ф. Казакова 1780 г. соответствовало представлениям современников о необходимости художественного единства ансамбля, даже состоящего из разновременных построек. Пожалуй, соответствует и сейчас.

Из Благовещенского храма вел один проход в трапезную, аналогичную и параллельную соседней трапезной церкви свт. Алексия, несколько уменьшенную за счет небольшого помещения с лестницей в нижний этаж и с проходом в тамбур, выводящий на наружную галерею и в палату, смежную с братской трапезной, где происходила раздача кушаний. Так как Благовещенский храм предназначался только для женщин, то с нижнего этажа, куда вела упомянутая лестница, был выход на главную входную паперть и на крыльцо. Под трапезными Благовещенской и Алексеевской церквей проходил главный служебный арочный проезд на территорию монастыря, закрываемый снаружи железными створными воротами с караульной палаткой при них.

Под всеми этими помещениями, на нижнем этаже, находились «житенные» и «капустные» палаты, погреба, истопничная и другие хозяйственные помещения.

Весь этот сложный комплекс разнородных помещений снаружи был объединен общим скромным фасадом с равномерным размещением одинаково обрамленных белокаменными наличниками окон, протянутым по всей длине цоколем, междуэтажным фризом и карнизом, а также общей вальмовой кровлей. Немного смещенное от центральной оси к западу крыльцо главного входа уравновешено арочным проемом сквозного прохода в западной части здания, обрамленным массивными белокаменными декоративными пилястрами. Этот фасад фактически являлся главным фасадом всего большого монастырского комплекса, воспринимавшимся зрителем, выходящим через Фроловские или Спасские ворота на Царскую площадь Кремля, и представлял его, конечно, недостаточно полно, но скромно и достойно.

Фасады Алексеевской и Благовещенской церквей, выходящие во двор и невидные с площади, решены так же скромно, в стилевом единстве с главным фасадом. Углы церквей и сопряжения апсид обрамлены вертикальными неширокими пилястрами с незначительными плос-

кими углублениями, но, в отличие от лопаток Михайловского собора, они доходят только до оснований полукружий закомарных перспективных профилированных арок, центры которых слегка подвышены. Пяты закомарных арок подвешены и соединены тонкой горизонтальной тягой. Первоначальное покрытие могло быть позакомарным. Апсиды алтарей существенно ниже стен церквей и практически одинаковы по ширине и выносу, хотя средние выступают к востоку чуть дальше боковых. Прясла церковных стен и апсид имеют ряд окон, освещающих подклет и два ряда окон в церквях, нижние из которых совпадают по уровню, высоте и форме наличников с окнами главного фасада. Верхний ряд окон несколько нависает над нижним, и к тому же там на одно окно больше, хотя симметрия соблюдена. Вероятно, позднее в восточной и северной стенах были пробиты дополнительные окна в арках закомар. Как уже отмечалось, главы Благовещенской церкви существенно ниже глав Алексеевской и практически не были видны с площади, но декоративное их оформление идентично.

Обширный монастырский двор со всех сторон был огражден 2 и 3 этажными келейными, служебными и хозяйственными зданиями. Центром композиции северного комплекса являлась надвратная церковь свв. Платона и Романа, перестроенная из обетной церкви прп. муч. Евдокии, постройки Ивана Грозного 1556 г., небольшой, но стройный четырехгранный объем которой с восьмигранным фонарем и высоким шпилем возвышался над соседними зданиями. Она называлась также Крестовой, так как рядом с ней находились архиерейские палаты. Впрочем, в 1763 г., во время составления описи, она, вероятно, называлась еще церковью св. Елеферия и была переосвящена в 1775 г. в связи с назначением архиепископом Московским Платона. В церкви были расписанные деревянные хоры.

Трехэтажный архиерейский дом примыкал к этой церкви с запада. В нижнем этаже размещались служебные помещения, во втором – четыре архиерейские кельи, сени, крыльцо и крутая деревянная лестница на третий этаж, где находились архиерейские покои, крестовая зала, столовая и библиотека. Из здания по крытым деревянным переходам на каменных столбах с каменными парапетами можно было пройти в Михайловскую церковь через колокольню и по переходам вдоль западных корпусов в храмы главного корпуса.

В корпусах, окружающих двор с северо-запада, размещались в нижнем этаже поварни, квасоварни, столярная, кузнечная и каретная мастерские, а в верхних – братские кельи и больничные палаты с небольшой Крестовоздвиженской церковью, построенной на средства боярина Ховрина и примыкавшей к стене братской трапезной главного здания монастыря. Корпуса соединялись проходами на всех этажах. В корпусе, примыкавшем к надвратной церкви с востока, в нижнем этаже находились караульные палаты, погреба и прочие служебные и хозяйственные помещения; во втором этаже – судейская, консисторская, секретарская, подъяческая и архивная палаты (илл. 20). Примыкавший к нему под углом корпус у восточной стены монастыря был наместнический. Нижний этаж был служебным, а наверху размещались пять наместнических келий и крыльцо. В южной части двора стояли три двухэтажных корпуса братских келий, отошедшие в XVIII в. под архиерейский дом, перестроенный позднее в Императорский дворец.

До строительства М. Ф. Казаковым здания Сената Чудову монастырю принадлежали земли с северной стороны Чудовской улицы, где находился обширный конюшенный двор с каменными палатами келий и кладовыми, являвшийся, по мнению И. Е. Забелина, частью Татарского посольского двора. Забелин предполагает, что стоявшая неподалеку от Конюшенного двора, всего в пяти сажнях от него, церковь Козмы и Дамиана могла быть построена великой княгиней Софьей Палеолог, супругой Ивана III, на месте остававшегося в Москве Татарского подворья (23, с. 298).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.